
□ Есть страницы в историческом прошлом нашей родины, которые сегодня, в дни героической борьбы русского народа за свою независимость, нам особенно дороги. К таким страницам относится и пора начала и становления могущества России – эпоха Петра.

□ Небольшой исторический эпизод, послуживший темой для комедии Мариенгофа, – история о том, как шут Балакирев, преодолевая препятствия, добивается в конце концов разоблачения кучки казнокрадов и врагов народа, «что кровушки народной нажрались», – имеет не только познавательный интерес. Пьеса своеобразно перекликается с нашими днями, она волнует нас пронизывающим ее чувством патриотизма, беззаветной любви к родине.

□ Фактом постановки «Шута Балакирева» театр под руководством заслуженного артиста республики Ларионова делает как бы заявку на спектакль высокого качества и мы рады поздравить коллектив с первой творческой победой. «Шут Балакирев» – яркий, культурный спектакль, имеющий у зрителя большой и несомненно заслуженный успех.

□ Одной из основных и бесспорных удач спектакля является исполнение роли Петра I заслуженным артистом республики Ларионовым. Удачно используя актерские данные, Ларионов дает образу Петра своеобразное толкование, лишая его традиционной широкоплечести, изображая его уже утомленным, приближающимся к старости. Петр Ларионова сделан как бы в плане романтической живописи. Это скорее олицетворение государственной мудрости и вечного стремления вперед, чем исторически конкретный «мореплаватель и плотник». Но именно эта приподнятость, эта романтическая пафосность особенно убедительны.

□ Образ шута, идущий от традиций западно-европейского театра, – сложный театральный образ, одной из функций которого всегда являлась некоторая трагичность – «смех сквозь слезы», право говорить правду под видом шутки. Но шут Балакирев в пьесе Мариенгофа не условный театральный образ, а конкретное историческое лицо, патриот своей родины, надевший шутовской колпак не только для того, чтобы говорить правду, но и бороться за нее. И совершенно прав Добротин, освобождая по возможности своего шута от «шутовства», рисуя его иногда даже скупыми линиями. Шутовство Балакирева – легко и охотно сбрасываемая внешняя шелуха. Его прибаутки и присказки легко переходят в страстный пафос обличения. Под шутовским колпаком блестят умные, зоркие глаза русского человека, гражданина своего времени. Добротин создает обаятельный образ, это несомненная актерская победа.

□ Роль другого беззаветно преданного Петру человека – Якова Васильева прекрасно играет Семенов. Это истинно русский человек, крепко сколоченный богатырь, умеющий «коль любить, так не на шутку, коль рубить, так уж с плеча». Очень хорош Семенов, когда появляется в первом действии с убитым волком на плечах, сильные гневные интонации находит он в сцене допроса, перед лицом пыток и смерти, обличая врагов народа.

□ Интересен образ Лизы. Передовая девушка петровской эпохи, вырвавшаяся из терема русская женщина, «родившаяся в шатре военном», пламенная патриотка, она находит в себе гражданское мужество отказаться от отца, когда узнает об его измене. Тагац, играющая Лизу, делает ее живой, порывистой девушкой. Хороша комическая сцена любовного объяснения с принцем Карлусом. Можно было бы, пожалуй, поставить в упрек только одно (попутно это относится и к автору пьесы) – Лиза, и это несколько излишне подчеркнуто Тагац, слишком уж «эмансипирована». Пусть в ней есть итальянская кровь, пусть «знамя поколоченного шведа ей было первую пеленкой», – но все же это девушка XVII века: В спектакле же она моментами кажется вышедшей из значительно более поздней эпохи.

□ Враждебный Петру лагерь – лагерь ренегатов, казнокрадов, тунеядцев представлен в пьесе рядом образов. Граф Шестопал – представитель древней боярской Московской Руси, носящий за пазухой свою отрезанную бороду на случай, – если его не пустят в царство небесное – гнусное воплощение старого смердящего, исторически обреченного. Очень хорошо играет его Чагин, достигающий большой выразительности и подлинного комизма.

□ Образ Корякина – один из основных в пьесе и по месту, которое он занимает в комедии, противопоставлен образу Петра, драматургически симметричен ему. Мариенгоф заставляет Корякина раскрыть свое прошлое, рассказать о своих чаяниях и надеждах. Корякин – человек вышедший из социальных низов, вместе с Петром строивший русское государство и ставший активным врагом, ибо основной движущей силой его поступков всегда было неограниченное честолюбие, желание выдвинуться, на первом плане у него преобладали собственные интересы, а не благо народа. Таков князь Корякин – предатель и ренегат.

□ К сожалению, роль не удалась Кузнецову: Корякин – крупный государственный деятель. В нем есть черты Меншикова. Это не единичный образ, а олицетворение определенного исторического явления; Кузнецов же играет мелкого хитрого жулика масштаба Шестоपालа. Он должен вызывать ненависть, он же вызывает смех. Сцена, где он хочет закрыть собой портрет Петра, теряет в игре Кузнецова всякий смысл, ибо трудно даже допустить

мысль, что этот водевильный старичок может всерьез противопоставлять себя Петру. Кузнецов лишает роль политического звучания, тем самым обедняя мысль спектакля.

□ Полонский – актер явно тяготеющий к гротеску. Роль принца Карлуса начертана им острыми, ироническими, резкими линиями, моментами слишком уж выпадающими в «марионеточность». Как всегда, хороша Стрелкова в роли жены Корякина. Запоминаются Истомин в эпизодической роли торговца сукном, Маслов в роли офицера. Много теплого лиризма вносит Чечура в маленькую роль жены Балакирева.

□ Спектакль связан твердой режиссерской линией. Он хорошо оформлен художником-орденоносцем Р. Эрдманом. Интересна музыка композитора Геницианского.

□ Конечно, спектакль не лишен и недостатков. Нет еще чувства ансамбля, присущего театральным организациям, единого творческого стиля. Наблюдается некоторая актерская разностильность – бытовизм Кузнецова рядом с романтическим взлетом Ларионова, острый гротеск Полонского на фоне скупого реалистического рисунка Добротина. Отдельные эпизодические роли вообще недостаточно вросли в стилевую ткань спектакля (Матвеева в роли паж). Есть и просто ляпусы, как, например, жалкая меховая доха, которая должна изображать шубу из камчатских соболей. Но все это своего рода болезни роста.

□ Важно то, что театр показал, на что он способен. «Шут Балакирев» – первый шаг к осуществлению тех надежд, которые возлагают на театр трудящиеся Тагила.

□ А. Андрес